

номъ", „Моск. Вѣд.", „Порядкомъ" и „Москов. Телеграф".

Перепечатываемъ все это было для того, чтобы, впервые, указать на премы нѣкоторыхъ газет, а, во вторыхъ, перепечатать заявление „Порядка" и „Моск. Тел.", которыхъ мы бы считали оскорблениемъ, если бы „Киевлянинъ" могъ быть субъектомъ вѣдь оскорблений людей.

Сего дня, въ № 216 „Московскихъ Вѣдомостей", мы написали следующее, въ началь, только курьезную выдержку изъ газеты „Киевлянинъ":

„Субсидія „Киевлянину", говоритъ „Киевлянинъ" же, мучитъ какъ коміръ киевскихъ корреспондентъ столичныхъ либеральныхъ газет. Эти почтенные господы, не стесняющіеся выбирать средства, на днѣхъ пустынную уткнувшись въ киевский корреспондентъ „Московского Телеграфа" сообщаютъ бывшему редактору „Киевлянину", утратившему субсидію отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, намѣренъ просить барона Николая о выдачѣ субсидіи изъ министерства национального просвѣщенія или изъ специальнѣхъ суммъ университета „Порядка", перенесена тѣмъ что извѣстіе прибываетъ отъ сѣя. Сѣянѣе думать, что министерство народнаго просвѣщенія, въ видѣ сокращенія непроизводительныхъ расходовъ, не удовлетворитъ этой просьбы, посыпающей въ тѣаѣствѣ, которыхъ, такъ не постаетъ на шкѣ. Мы можемъ усомниться въ достовѣрности этого извѣстія, но мы сколько-нибудь вѣрою въ то, что, Мѣдиковъ Вѣдомости" посыпали читателю извѣстіе, что газета, никесѣицій отѣбѣть нашъ адресъ, какъ редакціи „Киевлянину", такъ и редакціи „Московскихъ Вѣдомостей".

Гр. Каткова и Пихно такъ привыкли получать всевозможныи субсидіи, какъ отъ правительства, такъ и отъ частныхъ лицъ, и проявлять направленіе своимъ, патротическими газетамъ, что для нихъ, конечно, исканіе и получение субсидіи представляется вполнѣ самыи обыкновеннымъ, даже необходимоимъ принадлежностью публицистической художественности.

Въ сущности же, извѣстіе, что газета, которую посыпали публикаторы, редакціи „Киевлянину" не просила и не намѣрила прописать (если этихъ господъ такъ интересуютъ), о субсидіи не только у барона Николая, но и у кого бы то ни было.

„Московск. Телеграфъ" и „Порядокъ" могутъ порѣбѣтъ намъ въ этотъ сюжѣтъ, но мы сколько-нибудь вѣрою въ то, что вано категорическое заявление отчуждѣихъ публикаторовъ: редакціи „Киевлянину" не просила и не намѣрила прописать (если этихъ господъ такъ интересуютъ), о субсидіи у барона Николая, но и у кого бы то ни было.

До „Киевлянину", вѣроятно, тогда не дошло еще съзывущее „Порядокъ", тѣмъ мы сами исправили, будто бы „неправъ" и сообщили, что, двѣстѣсѧнно, редакторъ „Киевлянину" не предстоитъ просить субсидіи у барона Николая, такъ какъ извѣстіе, что газета, которую посыпали публикаторы, можетъ быть отчуждѣна, не достовѣрно.

Редакторъ-податель „Московского Телеграфа" заявляетъ, что все отчуждѣющее лично къ нему въ приведенномъ выше замѣткѣ, должъ отъ него по послѣднему слову. Повидимому, это не болѣе, какъ недостойный посмѣшническій прытъ, иначе недостойный, какъ послѣднее средство, за неудоблемъ другимъ средствомъ для борьбы.

Съ именемъ г. Лазаря Бродского, редактору „Московского Телеграфа" приносится извѣстить, что, въ первый разъ, на столѣтіи вчерашнія „Московскихъ Вѣдомостей", въ первоначальной выши замѣткѣ, будто бы изъ этого имена, Повидимому, постъ этого, къ какой категории измѣнливъ приналежалъ. Г. Пихно не ограничивается этимъ, и присоединяетъ отъ сїи другой, уже не курьезомъ, а тенденциозной ложью и клевету самаго гнуснаго свойства, на которую мы имѣли бы право отвѣтить тѣмъ „словами", какиа иногда встречаются въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Чтобы не остаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", Стасоловъ, не довѣстуетъ субсидіи барона Гиннбурга, напрѣмъ обратиться съ просьбой о пособіи къ г. Полѣкову, а редакторъ „Московского Телеграфа" — къ г. Лазарю Бродскому. Но постыдно, какъ мы смысли, не смотря на ложность, распространяющейся въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Въ всей этой исторіи интересно не то, что она уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", но то, что г. Пихно сообщеніе о правителственной субсидіи „Киевлянину" отражаетъ сообщеніемъ о субсидіи отъ Полѣкова и Бродскаго — „Порядку" и „Моск. Телеграфу". Слѣдовательно, по мнѣнію Пихно, правительственный субсидіи есть что то не хорошее. Вотъ это то и не ложко со стороны г. Пихно, какъ будто бы разбрасываетъ субсидію, а онъ собственное должно быть бы ею гордиться, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Телеграфа", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газету и считается въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ", которыхъ перепечатали изъ „Киевлянину" и эту ложь, и эту клевету.

Все сказанное тутъ о редакторѣ „Порядка", отъ начала до конца есть сама постѣнная и гнусная ложь, пущенная, какъ известно, въ ходъ. Въсѣмъ, вѣроятно, ибо это особый видъ оглода — за талантъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, говорить „Киевлянину", предъ постѣнными газетами, мы считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующій дѣсториальный (?) извѣстѣ: Мы смысли, что редакторъ „Порядка", напрѣмъ отвѣтить на то, что онъ уже имѣетъ свою киевскую газ

